

Признание в любви

О Марии Ивановне Бабановой
вспоминает ее ученик Виктор Розов

Мария Бабанова — актриса нашей мечты

Вчера по случаю столетия Марии Бабановой в Театре имени Маяковского собрались те, кто знал ее лично. Она играла на этой сцене с 1922 года, здесь появились на свет ее лучшие роли: и Полина в «Доходном месте», и Тога в «Человеке с портфелем» Файко, и арбузовская Таня. С тех пор прошло много лет, и странно слышать, как человек, с которым ты знаком, рассказывает о юношеской влюбленности в Бабанову. Тем более если это Виктор Сергеевич Розов, которого трудно представить мальчиком, обучающимся актерскому ремеслу.

Алексей ФИЛИППОВ

Когда я поступил в студию при Московском театре Революции (теперь он стал Театром Маяковского), руководителем нашего курса была назначена Мария Ивановна Бабанова. Однокурсники выбрали меня старостой, и с Марией Ивановной я общался чаще, чем другие.

Ах, как она работала! Я никогда больше не видел, чтобы актеры так выкладывались. Репетируя юнгу в «Гибели эскадры», Мария Ивановна (ей было тридцать шесть лет) по-мальчишески взлетала на дуло пушки, садилась на него верхом, лихо скручивала самокрутку. Но в последний момент Бабанова отказалась играть — ей показалось, что она уже стара для такой роли. Она бы чудесно сыграла и Любку Шевцову (это было много позже): репетировала Мария Ивановна блестяще. Говорили, что ее отставили от спектакля из-за не имеющих отношения к искусству обстоятельств — Фадеев был женат на Степановой, которой не пришлось бы по душе еще один триумф Бабановой...

Мария Ивановна была очень требовательна к себе и к другим. Когда играла Бабанова, за кулисами царили совершенно особые напряжение и тишина: там уже не играли в шахматы и в домино, не покрикивали — все ходили на цыпочках и разговаривали очень негромко. Однажды, когда кто-то повысил голос, дверь ее гримборной распахнулась и она властно отчеканила: «Что здесь, кабак?» Тут же воцарилось глухое молчание.

Характер у нее и в самом деле был ой какой нелегкий. С ней надо было уметь себя вести — это Мария Ивановна очень ценила. Но она была объективна. В пьесе Сельвинского «Умка — белый медведь» главную роль играл знаменитый актер Дмитрий Николаевич Орлов, с которым Бабанова находилась в очень натянутых отношениях. Шло обсуждение — один выступает, делает замечания, затем другой, третий, четвертый... И вдруг Мария Ивановна вскакивает, встает на колени, говорит: «Митя, ты гений!» и опрометью выбегает из комнаты... Орлов играл замечательно, и она не могла этого не сказать.

Наш курс поссорился с ней на выпуске спектакля «Слуга двух господ». Она приходила на репетиции: «Все неправильно, делайте вот так!» И показывает — а мы в жизни так не сыграем. Вот мы и решили не пускать Марию Ивановну в репзал: после ее показов было невозможно работать. Мне, старосте, пришлось ей об этом сказать, и она страшно надулась и еле

головой кивала при встрече. Потом мы сдавали ей спектакль, а она сидела в зале с толстой тетрадкой на коленях и все время делала записи. После последней реплики Бабанова взлетела на сцену, разорвала тетрадку в клочья и закричала: «Молодцы! Молодцы!»

Она ценила простоту и естественность, и это порой доходило до наивности. Я провожаю Марию Ивановну по Тверскому бульвару, она говорит: «Давай зайдём в кафе, мороженого поедим». А я — бедный студент, для меня мороженое лакомство. Она садится за столик, перемешивает мороженое ложечкой: «Ты знаешь, я его люблю сначала размять». Ну совершенно по-детски.

В нее влюбились все мальчишки нашего курса. Марии Ивановне казалось, что девочки с курса к ней относятся плохо, а дело было в том, что они ревновали. Им не нравилось, что мы не обращаем на них внимания.

У Марии Ивановны был сложный характер, но она умела выслушивать и критические замечания. Я, сопливый мальчишка, пришедший с войны инвалидом, вернувшись в Москву, пошел на спектакль «Давным-давно». Гладков написал эту пьесу для Бабановой, но началась война, театр эвакуировался в Ташкент и спектакль вышел там. Мария Ивановна мне не понравилась — она жала, выжимая из зала аплодисменты и смех... После спектакля я пошел за кулисы: мне хотелось, чтобы она узнала, что я жив. Она разгримировывалась, сидела в халатике, с измазанным вазелином лицом, ей принесли корзину цветов... Тут-то я и сказал ей, что она играла плохо. «Вы выпускали спектакль на периферии, а там совсем другие вкусы — вот вы и набрались примитивных приманок, рассчитанных на нетребовательного зрителя...» Я произнес целый монолог, она выслушала его без замечаний и только потом сказала: «Ну, спасибо тебе. А то они (Мария Ивановна показала на цветы) все врут!»

А я ей не врал никогда.

Сегодня мы, те, кто помнит Бабанову, собрались в бывшем Театре Революции. Здесь я скажу то, что сейчас говорю вам: находиться рядом с Марией Ивановной казалось счастьем, вокруг нее была божественная аура, а на сцене в ней чувствовалось что-то ангельское. Обаяние есть у многих молодых актрис, но со временем ты понимаешь, что больше им похвастаться нечем. А Бабанова была великой мастерицей, она делала свои роли скрупулезно, как хороший строитель. И на спектаклях казалось, что все это рождается непроизвольно, здесь, на твоих глазах, и больше не повторится никогда...